

Карпатское языкознание и «Общекарпатский диалектологический атлас»

Г. П. КЛЕПИКОВА

RU-117334 Москва, Ленинский пр. 32а, кв. 906, Россия

Abstract: Constituting of the Carpathian Linguistics (= CL) dates back to the second half of the 20th century. Being a new trend in the areal and typological linguistics, the CL allows to describe and interpret the results of the long-existing contacts and interference of the languages (dialects) within a genetically heterogeneous Space of the Carpathian zone and the neighbouring regions, primarily the Balkans. Due to this fact, the CL always considers the scientific data obtained in the Balkan zone when analysing the dialectological manifestations. The CL emerged inside the Slavic science, and scholars' attention was always drawn to studying the dialectal elements borrowed from the Rumanian, Hungarian, other languages.

Prof. S. Bernstein was the first one who identified the goals of the CL in 1960s–1970s. These goals included: 1) dialectological research of the Carpathian zone as a whole; 2) the Carpathian toponymy research; 3) attention to the theoretical aspects and issues of the CL; etc. Nowadays, the first of the above-mentioned goals has been achieved, and as a result the international team of scholars has created “The Atlas of the Carpathian Dialects” (= ACD) that might be described as a *polylingual, heterofamilial, regional* Atlas. The ACD materials allows to conduct various research, such as: identifying how the individual dialects of the area contribute to forming its unified base of lexical, semantical units; or — studying specific features of the development of the Carpathian dialects in the zone — and similar issues.

It is important now, that the Carpathian scientific studies should be continued in future by a new generation of linguists.

Keywords: S. Bernstein, areal and typological linguistics, *The Atlas of the Carpathian Dialects*

Последние десятилетия XX в. характеризуются становлением и быстрым развитием карпатского языкознания (= КЯ) — нового направления в ареально-типологической лингвистике, которое формулирует и решает задачи описания и интерпретации результатов длительных взаимодействий и интерференции языковых идиомов (= языков, диалектов) в генетически гетерогенном лингвистическом пространстве зоны Карпат и соседних регионов. КЯ базируется на данных индоевропеистики (= славистики, романистики, албанистики и др.), финно-угроведения, в центре внимания которых дивергентное развитие отдельных языковых семей, историко-этимологическое, лингвогеографическое, топонимическое и под. изучение входящих в них языков (в нашем случае — ряда славянских, румынского, венгерского). Вместе с тем КЯ всемерно учитывает достижения в области типологического изучения языков, теории языковых контактов и конвергентного развития языков в указанном ареале.

Анализ различных сторон карпатской ситуации свидетельствует, что рассмотрение фактов тех или иных языков (и их совокупностей) изолированно, лишь в рамках собственно карпатского лингвистического пространства, оказывается недостаточным — и в синхронном, и в диахроническом (= историко-генетическом) аспектах. Поэтому КЯ (впрочем, как и карпатистика в целом¹), видит свою задачу в постоянном обращении к балканскому материалу, исследуемому в полном объеме балканским языкознанием (= БЯ)², — с целью установления в балканских языках явлений, корреспондирующих с карпатскими или, напротив, — для констатации в обеих зонах несоответственных явлений (Бернштейн 2000, 257). Более того: важную роль в конституировании КЯ в качестве особого раздела языковедческой науки сыграло именно БЯ, которому удалось выработать оптимальную модель, позволяющую эффективно изучать контакты и взаимовлияния славянских и неславянских языков в определенном ареале, выявлять и описывать функционирование в нем конвергентных языковых общностей различных типов (= ЯС и др.).

Заметим, что в настоящее время важность изучения и иных зон тесного взаимодействия родственных и неродственных языков (resp. этносов), подчеркивают многие исследователи, — таковой является, например, зона балтийско-славянских контактов³.

¹ *Карпатистика* (карпатология, карпатоведение) — обширный междисциплинарный круг наук по преимуществу историко-филологического цикла, призванных изучать комплексно ситуацию в зоне Карпат: материальную и духовную культуру, язык, фольклор и др., что в конечном счете позволит подтвердить (или опровергнуть) предположение о существовании здесь особой этно-лингвистической общности. Со второй половины XX в. активные разыскания в указанных областях науки координировала Международная комиссия по изучению народной культуры Карпат и Балкан; информация о работе над многими проектами публиковалась в издании Комиссии «Carpatobalcanica» (Bratislava) и в других изданиях. Подобным образом — как комплекс наук — понимается и современная балканистика, см.: *Асенова П.* Балканско езиковедение. В. Търново, 2002, 13.

² Ныне задачи БЯ понимаются как, во-первых, изучение *типологических* сходств между родственными и неродственными языками балканского ареала, а также *отношения* систем отдельных языков друг к другу и к системе языка-посредника (= «метасистеме») лингвистической общности конвергентного типа, обозначаемой конвенционально понимаемым термином «(балканский) языковой союз» (= БЯС); во-вторых, рассмотрение БЯ как важной составной части балканистики в целом (см. сн. 1), занимающейся «составлением цельной „общевалканской“ картины мира из мозаики частных „балканских“...» (см.: *Цивьян Т. В.* Синтаксическая структура балканского языкового союза. Москва 1979, 5; *Она же.* Концепт языкового союза и современная балканистика [= автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора наук]. Москва 1992, 1–2 и др.)

³ *Топоров В. Н.* О балто-славянской диалектологии (несколько соображений): ИСД 4. Москва 1995. Предложенная автором программа лингвистического исследования данной зоны может быть использована, на наш взгляд, при изучении любой, типологически сходной, ситуации взаимодействия языков (= диалектов). Эта програм-

Зарождение КЯ происходило в недрах славистики, — оно стало, с одной стороны, следствием осознания своеобразия *карпатских* говоров *отдельных* славянских языков (польского, украинского и др.), обособленности этих говоров от иных диалектов того или иного языка, и одновременно — близости карпатских говоров *разных* языков между собой. С другой стороны, ученые установили большое число как лексических, так и грамматических параллелей между, например, карпатоукраинскими говорами и южнославянскими языками. Последняя проблема вызывала особенно оживленные дискуссии в первой половине XX в., поскольку объяснение этого явления позволило бы прояснить некоторые важные вопросы истории ряда славянских языков, и в частности, — являются ли факты указанного параллелизма следствием *непосредственного* южнославянского влияния на югозападные украинские говоры (так полагали В. Погорелов, И. Панькевич, Б. Кобылянский, И. Дзедзелевский и др.), или же они — частично — результат общих процессов, происходивших в позднепраславянскую эпоху (= период «карпатской миграции славян» [= КМС]⁴) и отразившихся сходным образом в диалектах некоторых восточно- и южнославянских языков, а частично — следствие *более позднего* влияния балканских языков, которое связывается с массовыми миграциями населения Балканского п-ва на север в Средние века (XIV–XVII вв.) (В. Иллич-Свитыч, С. Бернштейн и др.)⁵.

Наконец, исследователи проявляли постоянный интерес к изучению в славянских языках (диалектах) языковых элементов, датируемых этой эпохой поздних (= «балканских») миграций и определяемых обычно как заимствования из румынского (см. труды Д. Крынджалэ, С. Лукасика, Э. Врание и др. [см., например: Vrabie 115–121 и сл.; Клеп. 1998, 168–178 и сл.]), а также к заимствованиям из венгерского⁶, немецкого⁷ и других языков.

ма включает: (1) *инвентаризацию* всех иноязычных элементов (прежде всего — лексических заимствований) в изучаемой зоне, (2) выявление точных *ареалов* этих элементов, (3) хронологическую *интерпретацию* данных об их локализации, (4) диалектную *идентификацию* иноязычных элементов, т. е. установление того, *из каких* именно диалектов неславянского языка вошло то или иное заимствование, и — соответственно — *какими* славянскими диалектами оно было усвоено (с. 49–53).

⁴ Подробнее о ней: Иллич-Свитыч В. М. Лексический комментарий к карпатской миграции славян: Известия Отделения литературы и языка АН СССР, № 3. Москва 1960.

⁵ Критический анализ литературы по данной проблематике в целом см. в: Бернштейн 2000, 121–124, 134–141, 160–163 и др.; ср. и VAŠEK A. Sur la méthodologie des recherches carpatologiques linguistiques: Romanoslavica XIV. București 1967; а также: Нимчук В. В. Карпатоукраинско-южнославянские параллели и тождества (история и перспективы проблемы): ОЛА МиИ (1984). Москва 1988.

⁶ Обзор трудов, посвященных изучению унгаризмов в некоторых карпатославянских диалектах см., например, в: Лизанец П. Н. Венгерские заимствования в украинских говорах Закарпатья. Венгерско-украинские межъязыковые связи. Будапешт 1976, 55–78,

Как следствие существования полярных оценок указанных сходжений в начале 60-х годов возникла идея описать реальное распространение в украинских говорах зоны Карпат конкретных явлений, фигурировавших в научных трудах как имеющих параллели в южнославянских языках, — в качестве первого этапа научного подхода к анализу указанных элементов. Эта идея была реализована в 1961–1967 гг. в ИС АН СССР в виде лингвистического атласа — «Карпатского диалектологического атласа» (Москва 1967) (= КДА)⁸. Благодаря этому Атласу, содержащему 212 карт, исследователи впервые получили точные данные о географии соответствующих лексико-семантических явлений; они дали новый материал для ряда конкретных исследований в рамках карпатской проблематики (ср. труды М. Младенова, К. Гутшмидта, М. Онышкевича, Г. Клепиковой и др.). Отметим, что примерно в это же время чешский лингвист А. Вашек занимался проблемой влияния языка т. н. «валашских» колонистов (XVI–XVII вв.) на грамматический строй и лексику восточнечешских (моравских) говоров⁹.

Таким образом, благодаря накоплению большого числа новых фактов, совершенствованию методов изучения соответствующих языковых явлений и под. постепенно стало очевидным, что наряду с некоторыми частными проблемами, связанными с историей карпатских диалектов *отдельных* славянских языков, существует ряд общелингвистических проблем, которые затрагивают *все* языки ареала и что эти проблемы могут быть решены лишь в рамках специальной дисциплины, которую С. Б. Бернштейн предложил называть КЯ¹⁰ (9). Ныне дан-

542–543; ср. также: ŠTOLC J. Slovenská dialektológia. Bratislava 1994, 134–136 и др.; ср. также: Бернштейн С. Б. ОКДА. Некоторые предварительные итоги: МАНУ. Прилози. XIII/1. Скопје 1988, 135–139; BALOGH L., BAŃCZEROWSKI J., POSGAY I. Węgierskie elementy leksykalne w językach regionu karpackiego: Prace filologiczne 45. Warszawa 1999; SIATKOWSKI J. Językowe wpływy węgierskie w Atlasie ogólnostowiańskim: Hungaro-Slavica 2001. Studia in honorem Iani Bańczerowski. Budapest 2001 и др.

⁷ Один из последних по времени обзоров работ по данной теме см., например: SIATKOWSKI J. Językowe wpływy niemieckie w Karpatach. В кн.: Witold Doroszewski. Mistrz i Nauczyciel. Łomża 1997.

⁸ В создании его Вопросника и анкетировании нас.пш. по соответствующей сетке обследования принимала участие большая группа диалектологов Украины, России, Молдавии (см. КДА). Продолжением публикации собранных в 60-е годы материалов являются работы: Клетикова Г. П. Карпатоукраинские диалекты и проблемы словообразования. 1. Дериваты с суфф. *-ic(a)*: ИСД 1. Москва 1992; Она же. Материалы к «Карпатскому диалектологическому атласу». 1. Рельеф: ИСД 6. Москва 2002 и др.

⁹ VAŠEK A. Jazykové vlivy karpatské salašnické kolonizace na Moravě. Konfrontačné-komparatistická studie karpátologická. Praha 1967.

¹⁰ Впервые развернутое определение КЯ дано им в Предисловии к КДА (Бернштейн 2000, 141–147), однако формулировку основного содержания КЯ как изучения взаимодействия славянских и неславянских языков находим уже в изложении задач КДА (1963 г.), ср., в частности, мысль о том, что «в результате карпатской миграции славян возникла очень важная *локальная* группа диалектов, характеризующаяся многими общими особенностями», и далее — «Сравнительное изучение всех этих языков

ный термин стал общепризнанным; употребляется и термин «лингвистическая карпатология» (= ЛК), введенный А. Вашеком¹¹.

С. Б. Бернштейну принадлежит и заслуга определения круга основных проблем, которые должны решаться в рамках КЯ на современном и дальнейших этапах его развития. Это (1) диалектологическое и лингвогеографическое изучение карпатской (resp. карпато-балканской) зоны в целом — в виде лингвистического атласа, который предусматривает синхронное описание общих для диалектов ареала единиц, в первую очередь — лексико-семантических (далее — и явлений иных языковых уровней)¹², что позволяет установить *корпус* черт, определяющих своеобразие данного лингвистического континуума, *распространение* отдельных лексем, значений, словообразовательных структур и др., и далее — выявить *типы* ареальной дифференциации обследованной территории. (2) Наряду с этим необходимо изучение топонимики Карпат (в том числе и методами лингвогеографии) (чему существенным образом способствуют результаты интенсивной ведущейся в ряде славянских стран работы над Славянским ономастическим атласом, публикации ряда исследователей¹³. (3) В задачи КЯ, параллельно с анкетированием, несомненно, входит осмысление теоретических проблем языкового контактирования и интерференции в карпатской (карпато-балканской) зоне, в том числе проблемы формирования здесь языковой общности конвергентного типа и под., что вместе с тем помогает более точно и глубоко интерпретировать собранные данные. (4) Перед КЯ также стоит задача историко-этимологического изучения карпатской лексики, с учетом вклада отдельных языков ареала (древних и современных) в формирование пласта общих лексико-семантических и др. единиц, траектории их распространения (с учетом возможной *множественности* источников заимствования и *многократности* актов заимствования одних и тех же единиц¹⁴). К сожалению, начавшаяся в конце

(или диалектов) *вместе* (курсив наш. — Г. К.) с румынским и венгерским языками даст возможность вскрыть те процессы, которые привели в свое время к формированию „карпатизмов“» (там же, 119–120).

¹¹ Целью ЛК, по А. Вашеку, является изучение (1) лингвистических последствий «валашской пастушеской колонизации» (XVI–XVII вв.) (в частности, воздействия грамматических структур языка колонистов на язык коренного населения и специфической пастушеской лексики [терминологии]) и (2) последствий взаимоотношения языков карпатского ареала (VÁŠEK A. Sur la méthodologie..., 15); таким образом, вне ЛК как будто остаются проблемы, связанные с позднепраславянским периодом, КМС, взаимодействием славян и *древнего* населения карпатской области и др.

¹² Он писал в этой связи «...Пока базой КЯ являются лексика, семантика и словообразование; менее ясен фонетический и грамматико-синтаксический аспекты проблемы, и в этих направлениях предстоит большая работа» (Бернштейн 2000, 296).

¹³ Ср., в частности, труды М. Майтана, см.: MAJTÁN M. Z lexiky slovenskej toponimie. Bratislava 1996 и др.

¹⁴ По определению О.Н.Трубачева, — «в результате многократных перекрестных

80-х годов работа над Ареально-этимологическим словарем карпатской лексики, который и был призван решить эту задачу, ныне приостановлена¹⁵. (5) Требуют продолжения, пока сравнительно редкие и никак не координируемые исследования языка памятников письменности, отражающие особенности говоров карпатского ареала¹⁶. Вместе с тем на современной стадии, вероятно, еще невозможно перечислить все проблемы КЯ и отдельных его разделов: осознание и формулировка иных задач зависит от хода и темпов развития указанной дисциплины.

Из перечисленных задач КЯ наибольшее внимание исследователей привлекала (и привлекает поныне) первая, — и потому, что обследование карпатских говоров разных языков по единой программе создало бы современную и «унифицированную» базу данных, но и потому, что уже к середине XX в. были достигнуты заметные успехи в лингвогеографическом изучении говоров многих языков карпатского ареала¹⁷. Однако было также очевидно, что реализация подобного масштабного проекта невозможна в полном объеме без объединения усилий диалектологов разных стран, прежде всего расположенных в зоне Карпат. Поэтому когда проф. С. Б. Бернштейн, от имени ученых ИСБ АН СССР, выступил в на VII съезде славистов (Варшава, 1973 г.) с инициативой подготовки «Общекарпатского диалектологического атласа» (= ОКДА) силами международного коллектива¹⁸, это предложение было активно поддержано учеными ряда стран. В дальнейшем в создании Атласа принимали участие лингвисты Польши, Чехии, Словакии, Венгрии, России, Украины, Молдавии, бывш. Югославии — ныне Сербии и Чер-

заимствований» (Трубачев О. Н. Лингвистическая география и этимологические исследования: ВЯ, № 1, 1959, с. 19.

¹⁵ Из публикаций по этой теме см.: Гиндин Л. А., Калужская И. А. Реконструкция карпатского регионального компонента позднеславянского лексического фонда // Сравнительно-историческое изучение языков разных семей. Москва 1991; *Они же*. Роль Карпат в этногенезе славян позднеславянского периода в свете историко-филологических и лингвистических данных: Славистические исследования. Доклады к XI Международному съезду славистов. Москва 1992 и др.

¹⁶ Например, об исследованиях языка памятников западноукраинской письменности см.: Можяева И. Е. Библиографический указатель работ по украинским говорам карпатского ареала, опубликованных в СССР с 1946 по 1969 гг.: КДО, с. 490–495; см. также: Лизанец П. Н. Указ. соч., 15 и др.; о трудах венгерских ученых в этой области в последние годы см., например: *UDVARI I. Szlavisztikai kutatások a Bessenyei György Tanárképző Főiskolán: Ювілейний збірник на честь 70-річчя від дня народження професора Петра Лизанця*. Ужгород 2000.

¹⁷ Перечень диалектных атласов ареала, известных на момент начала работы над ОКДА см.: *Общекарпатский диалектологический атлас*. Вопросник. Москва 1981, 19–20 (далее — ОКДА-В).

¹⁸ См. его доклад: Проблемы интерференции языков Карпато-Дунайского ареала в свете данных сравнительной диалектологии (Бернштейн 2000, 158–159). Подробнее о первых годах истории создания Атласа см.: ОКДА-В 12 и сл., также: *Общекарпатский диалектологический атлас*. Вступительный выпуск. Скопје 1997, 10–11 (далее — ОКДА-ВВ).

ногории, Боснии и Герцеговины, Хорватии, Македонии, а на начальном этапе — и Болгарии.

В настоящее время, по прошествии 30 лет, в результате напряженных (иногда и драматичных) усилий можно, наконец, констатировать, что работа над ОКДА фактически завершена: с 1989 по 2001 гг. опубликовано 6 выпусков¹⁹, последний, 7-й, утвержден в печать и, мы надеемся, выйдет в свет к XIII съезду славистов в Любляне. На наш взгляд, все это является серьезным поводом для того, чтобы напомнить важнейшие этапы в истории создания ОКДА и отметить с благодарностью вклад всех, кто участвовал в реализации данного фундаментального проекта в рамках КЯ, — не только членов МРК, авторов карт и комментариев, но и специалистов в различных областях языковедения и этнографии ряда стран, принимавших деятельное участие в обсуждении и формулировании концепции Атласа, а также многих диалектологов, собиравших для него полевые материалы²⁰. Представляется также, что ныне уже может быть дана общая характеристика этого, *реально* существующего, лингвогеографического труда.

Как известно, подготовка ОКДА, первого регионального атласа диалектов Центральной и Юго-Восточной Европы, потребовала существенных предварительных обсуждений многих сложных научных, методических и технических аспектов. Дискуссии, касавшиеся задач Атласа, его характера, организационных форм международного сотрудничества и под., составляли содержание специальных, регулярно проводившихся с 1974 г., конференций (см. сн. 20). В результате этого концепция Атласа в полной мере воплощает основные принципы КЯ.

Так, в качестве исходной теоретической посылки в работе над ОКДА принята идея о существовании в карпато-балканской макроне *континуума* диалектов, принадлежащих ряду родственных и неродственных языков. Поскольку эти диалекты объединяет наличие в них множества лексико-семантических по преимуществу элементов (= «карпатизмов»)²¹, возникших в процессе длительного контактирования и интерференции, и имеющих различное распространение и хронологическую «глубину», то цели Атласа были сформулированы следующим образом: «выявить эти сходные элементы разного происхождения именно на диалектном уровне, доказать определенную непрерывность

¹⁹ ОКДА, вып. 1. Кишинэу 1989; вып. 2. Москва 1994; вып. 3. Warszawa 1991; вып. 4. Львів 1993; вып. 5. Bratislava 1997; вып. 6. Budapest 2001.

²⁰ Подробнее об этом: ОКДА В., 12–15; ОКДА ВВ, 10–11; см. также обзор: Клетикова Г. П. Карпатское языкознание — состояние и перспективы международного научного сотрудничества: Зарубежная историография славяноведения и балканистики. Москва 1986.

²¹ О многоплановости содержания термина «карпатизм» (также — «балканизм») в КЯ см. в: Бернштейн 2000, 193–194, 232–233 и др.; ср. и: Клетикова Г. П. К проблеме взаимоотношения центральной и периферийной зон балкано-карпатского ареала: ОЛА МиИ 1985, 74–75.

их репрезентации (или отсутствие таковой) в диалектах карпато-балканской зоны» (ОКДА-ВВ 9); решение этой задачи дает возможность более обоснованно, с учетом множества новых данных говорить о существовании в указанной зоне языковой общности конвергентного типа, манифестированной, по крайней мере, на лексико-семантическом уровне. Таким образом, концепция ОКДА не предполагала изучение схождения в сфере фонетики, грамматики и синтаксиса. Было также решено, что ОКДА создается именно как диалектологический атлас, т. е. он не должен быть, например, комбинированным, лингво-этнографическим (при всей важности учета результатов специально этнографического [= этнологического] изучения карпатской ситуации), поскольку расхождения между двумя аспектами — лингвистическим и этнографическим — в общетеоретическом и практическом отношении весьма существенны²².

Много сил и времени потребовала от коллектива ОКДА подготовка Вопросника, по которому в дальнейшем была анкетирована территория Атласа. Вопросник содержит 785 вопросов, отобранных в ходе сопоставления т. н. «национальных индексов» карпатских лексико-семантических единиц, зафиксированных исследователями в каждом языке зоны; при этом было решено включать в Вопросник схождения, (1) представленные более чем в 2-х контактирующих языках, (2) в диалектах 2-х неконтактирующих языков, (3) отдавалось предпочтение лексемам, связанным с традиционным народным бытом, занятиями и культурой макрзоны. В Вопроснике представлено примерно равное число вопросов, сформулированных «от слова к значению» (= «лексические») и «от значения к слову» (= «семантические»); текст каждого вопроса включает по возможности большую экзemplификацию, — примеры из языков (диалектов) ареала. В целом при создании Вопросника, этого важнейшего документа в работе над ОКДА, нашли отражение как объективные факторы (например, степень изученности лексико-семантической сферы диалектов того или иного языка), так и субъективные, выражающиеся, в частности, в том, что взаимодействовали принципы и опыт национальных диалектологических школ, осуществлялась интеграция знаний и профессиональных навыков этих школ, в спорных ситуациях достигался разумный компромисс между различными точками зрения и под. Вопросник ОКДА оценивается «как плод усилий всего международного коллектива» (ОКДА-В 16). Вместе с тем авторы Атласа отдают себе отчет в том, что Вопросник не свободен от недостатков, — в частности он невелик по объему²³, за его

²² Подробнее об этом: Бернштейн 2000, 195–199, 296–298 и др.; ср. и ОКДА-В, 14.

²³ Для сравнения укажем, что Вопросник ОЛА насчитывает свыше 3 тыс. вопросов, лексическая часть Вопросника Малого диалектологического атласа балканских языков (см. ниже, сн. 26) — свыше 2 тыс., Вопросник румынского атласа — также несколько тысяч вопросов и под.

пределами остались многие существенные для карпатистики явления. Однако это позволило провести анкетирование 210 нас. пп. сетки обследования²⁴ в сжатые сроки (1978–1981 гг.) (при этом для пунктов на территории Румынии материал был экцерпирован из некоторых общерумынских атласов [ALR]²⁵) и приступить к картографированию полученных данных.

Основным принципом построения карты в Атласе является графическая дифференциация многоплановых диалектных различий с помощью системы геометрических знаков; в ряде карт используются изолинии, штриховки. Помимо карт и комментариев к ним (содержащих главным образом индексы зафиксированных форм), в Атлас включены и некартографируемые материалы (= НМ), т. е. материалы, которые не позволили составить полноценные карты (редкие фиксации явлений, наличие несопоставимых ответов и др.) (ОКДА-ВВ 14–18). Для ОКДА была разработана специальная транскрипция, базирующаяся в основном на наборе знаков транскрипции ОЛА (ОКДА-В 101 и сл.).

Представляется, что теперь, когда большая часть Атласа опубликована, может быть дана о б щ а я характеристика данного, уже реально существующего лингвогеографического труда.

Итак, ОКДА, насчитывающий пока более 400 карт и около 300 НМ, — особый вид атласа нового поколения, он может быть определен как *полилингвальный, гетерофамильный, региональный*. В настоящее время в европейской лингвогеографии известны еще два проекта, которые близки во многом к ОКДА, это Атлас Средиземноморья М. Деановича²⁶ и «Малый диалектологический атлас балканских языков» (= МДАБЯ)²⁷ (иной тип манифестирует ALE²⁸). Указанные три атласа объединяет сходная задача — описание, с той или иной степенью детализации, последствий контактирования ряда родственных и неродственных языков в *определённом* регионе²⁹ и создание соответствующей

²⁴ Сведения о них см.: ОКДА-ВВ, 42–86.

²⁵ Подробнее о значении экцерпированных материалах см.: ОКДА, вып. 2, с. 7.

²⁶ См.: Saggio dell'Atlante linguistico mediterraneo. Firenze 1971.

²⁷ Подробнее о нем: Домосилецкая М. В., Плотникова А. А., Соболев А. Н. Малый диалектологический атлас балканских языков: Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Москва 1998; Соболев А. Н. Балканская лексика в ареальном и ареально-типологическом освещении: ВЯ, № 2, 2001, с. 72 и сл.

²⁸ Atlas Linguarum Europae. V. 1/1–1/5. Assen; Maastricht; Roma etc. 1983–1994. Этот Атлас репрезентирует данные всех языков Европы, относящихся к множеству разных языковых семей, и посвящен исследованию не столько *субстанции* явлений в соответствующих языках, сколько *репертуара* грамматических категорий, моделей фонетических и грамматических структур, а также ономазиологическому и семасиологическому анализу лексических единиц, — прежде всего выявлению общего/различающегося в их *мотивации* (см., например: Брозович Д. и др. Названия дуба в европейских диалектах: ОЛА МиИ 1989, 85–86).

²⁹ Разумеется, некоторые данные о заимствованных элементах содержатся в национальных (и национально-региональных) атласах, в таком макroatласе, как ОЛА (на-

фактографической базы для последующих специальных исследований различной направленности. Применительно к ОҚДА подобные исследования, которые достаточно активно ведутся уже на протяжении многих лет, решают ряд проблем КЯ.

1. Изучение в ареалогическом аспекте вклада отдельных языков карпато-балканской макрзоны в формирование фонда лексико-семантических единиц, *общих* для ареала в целом (или для отдельных его частей), — при том, что речь идет, как уже указывалось, не только о *прямых* заимствованиях, но и *опосредованных* одним или несколькими языками. В пространственном плане сложные процессы взаимодействия, взаимовлияния и интерференции языков находят отражение в фиксации множества **типов** ареалов, которые различным образом характеризуют и дифференцируют карпато-балканский диалектный континуум (вычлениются карпато-балканский, карпатский, а также локальные ареалы различной конфигурации — центральный, латеральные, островные и под.³⁰). Выявленные Атласом типы ареалов способствуют установлению зон (= «центров»), оказывавших достаточно сильное интерферирующее воздействие на остальные части макроареала, а также *траекторий* распространения в нем «карпатских» элементов различного происхождения, ср., например, роль славянского, румынского, венгерского и др. «центров иррадиации». Далее приводятся примеры ареалов различной величины и конфигурации, соответствующих географии репрезентантов слав. **košъ*, **žlěbъ*, **pъrtь*, рум. *vatră, zestre, feregă, țarină*, венг. *hotár, szerszám, vám, gazda*. При этом на картах-схемах показан не только тип лексических ареалов, но — в ряде случаев — и возможная их дифференциация с учетом семантического критерия.

Карта-схема 1. Репрезентанты слав. **košъ* (см.: ЭССЯ 11, 196) известны, по данным ОҚДА (1, № 54), практически во всем карпато-балканском регионе с широким кругом значений; в то же время указанное лингвистическое пространство оказывается достаточно расчлененным именно по семантическому признаку. Наиболее частотным (но не повсеместно зафиксированным) является значение ‘корзина; виды корзин’ и др.; на Севере и на Юге представлены ареалами различной величины и конфигурации несколько значений — ‘постройка (для початков кукурузы)’ и под., ‘короб в мельнице’, ‘рыболовная снасть’, ‘дымоход’, ‘вид улья’ (редко); лишь в карпатославянских, венгерских и

пример, изучению неславянских элементов в нем посвящены многие статьи, в том числе Я.Сятковского), однако данная тематика не является для этих атласов центральной.

³⁰ О типологии ареалов, устанавливаемых на основании некоторого числа «дифференциальных признаков», см.: *Бородина М. А.* Понятие маргинального ареала в лингвистическом континууме: Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Ленинград 1977, 113–115; *Она же.* Развитие ареальных исследований и основные типы ареалов. Ленинград 1980 и др.

некоторых румынских говорах известно значение ‘кузов веза’, только в румынском и на славянском Юге — ‘грудная клетка’ (ср. и локализм в румынском — *coș* ‘наволочка’). О семантике болг. *кош*, помимо данных ОКДА (архив), см. и БЕР 2, 690; данные словаря позволяют уточнить географию некоторых значений (см., например, наличие сочетания *сляп кош* ‘рыболовная снасть’ на западе Болгарии — р-н Софии, Б. Слатины, Кюстендила, Копривщицы), а также указывают на существование малочастотных значений (ср.: ‘укладка снопов’, ‘коробочка, куда ставят зажженные свечи’ и др. — Родопы) (подробнее: Калн., Клеп. 98–100).

Карта-схема 2. Репрезентанты слав. **žlěbъ* (< ?; Топоров 1979, 236 — к и.-е. **gelebh-*; иначе — Machek¹ 596 и др.) хорошо представлены ОКДА (2, № 48) в славянских говорах ареала с семантикой: ‘корыто’, ‘жолоб’, ‘паз’, ‘ороним (овраг, ущелье и др.)’ (далее — в севернославянских говорах за пределами ареала); некоторые из указанных значений отмечены в сербских и македонских микроразонах (редко — в болгарском, ср. *жлеб* ‘корыто’ [Видин — Млад. 1975, 227]; иные значения приведены в БЕР 1, 549, при этом чаще фиксируются дериваты — *жлебина* ‘десна’ и др.). Лексема заимствована в румынский — непосредственно (= *igheab* и под. — юг, Молдова, реже — на севере) или через венгерский (= *j[i]lib* — Трансильвания, часть Олтении) — и отмечается со значениями ‘корыто’, ‘овраг’, ‘жолоб (в мельнице)’, ‘жолоб для спуска бревен с лесосеки’. Последнее может быть интерпретировано как относительно поздно возникший (XVIII в.) карпатский семантический локализм, характерный для части румынских говоров (Трансильвания), заимствованный также в украинские, см.: закарп. *žolob* ‘то же’ (подробнее: Клеп. 1989, 138; ср. и Берн., Клеп. 1996, 79).

Карта-схема 3. Репрезентанты слав. **pyrťь* ‘тропа, дорога’ и др. (< слав. **pyrťi* ‘топтать, давить’ — Фасмер III, 246; Machek 396; иначе, из слав. **pyrati* ‘то же’ — БЕР 5, 807 и под.), по данным ОКДА (вып. 7), представлены в карпатославянских говорах в основном со значением ‘тропа (дорога) в горах, протоптанная скотом’ и под.: польск. *pyrć*, морав. *pyrť*, словц. *prt’*, укр. (лемк.) *pyrť*; редко — ‘тропа, протоптанная в снегу’, ср. укр. (закарп.) *pyrť* (единично встречаются и значения ‘место, где разбросано сено’, ‘плохая трава’ — Клеп. 1991, 83–84); славизм рум. *pîrție*, *pyrții* имеет иное значение — ‘тропа в снегу’ (и единично — *pîrșe* ‘тропа, по которой скот идет на горное пастбище’ — Трансильвания). На Юге: в сербских говорах преобладает дериват *prtina*, *prtina* — ‘дорога, тропа (в снегу)’, ср. макед. *prtina*, *prt*, *pərt* ‘то же’ (см. и Вид. 127); о географии болг. *пъртина* и др. см.: Клеп. 1991, о вариантах *prt* и др. — БЕР 5, 807).

Карта-схема 4. ОКДА (1, № 57) подтверждает широкое распространение в карпато-балканском макроареале лексемы ⁺*vatra*; вместе с тем в семантическом отношении он достаточно четко дифференци-

руется на две основные субзоны: одна характеризуется фиксацией значения 'очаг; под печи' и др. (а также множества явно вторичных значений), оно представлено в румынском (*vatră*) и албанском (*vatër, votër*), а также в некоторых (карпато)украинских, отдельных польских, моравских, словацких говорах (часто — параллельно с иными); в другой зоне лексема отмечена со значением 'огонь; костер; жар' и под. — многие карпатославянские говоры, также сербские, единичны фиксации в болгарских (ср.: *ватра* — БЕР 1, 123). Наличие данного семантического противопоставления интерпретируется различным образом, в зависимости от той или иной точки зрения на генезис лексемы: с одной стороны, наличие в славянских диалектах значения 'огонь' и под. рассматривается как результат сохранения рефлексов исконнослав. **atra* (... > *vatra*, см.: ЭССЯ 1, 92), а, с другой, если исходить из версии о заимствовании лексемы из румынского, то указанное значение должно толковаться как семантический сдвиг на славянской почве: 'очаг' ... → 'огонь' (в самом румынском *vatră* рассматривается как наследие общего румынско-албанского лексического фонда) (подробнее: Клеп. 1998, 194).

Карта-схема 5. Рум. *ferică, feregă* и др. 'папоротник' (: лат. *filix, filice, filicaria* — М.-Lübke № 3294, 3298; ср. и: мегл. *ferică*, арум. *fearıcă*), зафиксировано лишь на части румынской территории; заимствовано лишь в западнославянские диалекты зоны Карпат (ОКДА 5, НМ 4), ср. польск. *'ferečyna, 'perezyna* 'то же', морав. *'fereč'ina, 'feračka* и др., сев.-зап. словц. *'feračina* (подробнее: Клеп. 1998, 235; ср. и Бернштейн 2000, 262).

Рум. *zestre* и др. 'приданое, имущество' (< ?; различные версии анализируются, например, Russu 423; см. также: Клеп. 1998, 211), в первом значении известно почти повсеместно на территории Румынии (ср. и арум. *zestră*); в карпатославянской зоне, по данным ОКДА (3, № 61), заимствование зафиксировано в двух микроареалах — украинском (Буковина): *'zestra, 'zestra*, и в Восточной Словакии, ср. словц. *'zajstra, 'žajstra* и укр. (лемк.) *'z'astr'a* и др. 'то же'; в балканской зоне обычно указывается болг. *зестра* 'приданое' (БЕР 1, 636; в словарях приводится с пометой «нар.», «разг.»).

Карта-схема 6. Рум. *țarină* 'поле (с хорошей почвой)', 'пашня (в горах)' (: лат. **tierra < terra* — Ros. I, 80; Фасмер IV, 289; ср. и Vrabie 137 и под.) заимствовано, в основном, с тем же кругом значений, главным образом, в украинские говоры зоны Карпат, единично зафиксировано: 'огороженный сенокос', 'территория села' (!); этот румынизм редко отмечается на Балканах, ср., например, в.-серб. *'carina* 'огороженный сенокос', топонимы в Черногории и Македонии (ОКДА 5, № 33).

Карта-схема 7. Венг. *határ* 'граница', 'владение' и др. (< др.-урал. *hát* — TESz 2, 73–74; иначе — Skok 1, 666 и под.) заимствовано в карпатославянские диалекты, по ОКДА (вып. 7), с теми же значениями — 'граница (села, между двумя владениями и под.)' и 'земля, входящая во

владение общины; кусок поля; пахотная земля' и под., отмечены и семантические локализмы (ср. словц. 'xotar 'дорога', укр. xitar 'окраина села' и др.); в румынском оба значения представлены на западе и юге, на востоке — только 'граница'. В балканославянских диалектах более частотно как будто значение 'земля, кусок поля' и под., при том, что макед. 'a'tar зафиксировано с двумя основными значениями (ОКДА; ср. и Вид. 16); болг. *отар* 'граница села' отмечено на северо-западе (Видин), со значениями 'земля' и 'граница между селами' — в Банате (БЕР 4, 954) (см. и Бернштейн 2000, 263).

Карта-схема 8. Венг. *szerszám* 'средство, принадлежность' и под. (< др.-урал. — [szer + szám] — TESz 3, 791) заимствовано во многие карпатославянские диалекты, где, как правило, приводится (ОКДА 5, № 60) со специальными значениями — 'инструменты (ремесленника, лесоруба и др.)', реже — 'конская упряжь' (ср., например, польск. 'sarsan, словц. 'sersa:m и др., укр. [гуцул.] sər'sam); известно и в румынских диалектах: *sărsámurⁱ*, *îărțámurⁱ* 'сельскохозяйственные орудия' (см. и Tamás 691), но и *car 'cəmuri* 'бахрома, тесьма' (!) (Молдова — ОКДА); на Балканах, по ОКДА, не зафиксировано, отмеченное в Атласе в.-серб. 'sersen 'горячий' и под. иного происхождения («балканский турцизм» — Skok 3, 225; впрочем, см. в этом словаре и: *sersan* 'конская упряжь и под.' [Славония]) (см. и Бернштейн 2000, 264).

Карта-схема 9. Венг. *gazda* 'хозяйство', 'хозяин', 'владение' и др. (< слав. **gospoda* — TESz 1,1038) широко распространено, по ОКДА (5, № 35), в карпатославянской зоне, ср. польск., морав., словц., укр. 'gazda '(богатый) хозяин, крестьянин' и др., впрочем, возможно, в части украинских говоров это — опосредованное заимствование, через румынский (Vrabie 144); в самой Румынии *gazdă* '(богатый) крестьянин' и др. фиксируется на западе (Трансильвания) и на востоке (Молдова) (Tamás 370; ср. и арум. *gazdu*). На Юге лексема отмечена в сербских говорах (*gazda*, 'gazda), македонских ('gazda) в том же значении '(богатый) хозяин'; в болгарском *gazda* определяется (БЕР 1, 224) как «народное» и фиксируется в значениях 'главатар на градинарска дружина в чужбина' (см. и Бернштейн 2000, 264).

Венг. *vám* 'таможня' и под. (об этимологии: TESz 3, 1084), заимствовано, по данным ОКДА (5, № 44), только карпатоукраинскими говорами (Закарпатье, редко — Гуцульщина и Буковина) — 'vama 'плата (за помол муки)', 'таможня' и др.; почти повсеместно известно в румынских диалектах — *vamă* 'плата за помол' (ОКДА; Tamás 835). На Балканах представлено в болгарских говорах, о географии *вама* см.: Млад. 1983, № 15, о значениях лексемы — 'такса при продаже скота' (Б. Слатина), 'плата за помол' (северо-запад), 'открытый рынок (рыбы)' (Варна), 'таможня' (Добруджа), 'такса за импортный скот' (Ботевград) — БЕР 1, 117 (см. и Бернштейн 2000, 264).

2. Изучение подобных материалов Атласа, фиксирующих наличие общих для всех (= многих) диалектов карпато-балканской зоны *инвентарей* лексических и семантических единиц, способствует верификации версии, согласно которой в макроне существуют, по крайней мере, фрагменты особой языковой общности конвергентного типа, достоверно реализующейся лишь на лексико-семантическом уровне, что означает наличие тенденции к «гомогенизации» карпатского (= карпато-балканского) лингвистического пространства путем трансформации суммы генетически гетерогенных диалектных систем в диалектный континуум.

Об этом же говорят, на наш взгляд, и отмеченные в ОКДА факты существования в языках (диалектах) макрзоны единых *принципов номинации* в отдельных группах лексики, — ср., в частности, примеры номинации по тождественности (= сходству) «мотивационных признаков» (=МП), или «внутренней формы» (=ВФ). Явления подобного рода свидетельствуют об интенсивности и глубинном характере языковой интерференции, приводившей к созданию в некоторых генетически гетерогенных (микро)зонах общей модели-метафоры, что, в свою очередь, несомненно оказывало влияние и на формирование общих фрагментов «картины мира» (и особенностей менталитета)³¹ (34a) у различных этнических групп, населяющих карпато-балканскую область.

Далее в качестве примера схождений в сфере ВФ рассматриваются МП, лежащие в основе номинации апеллативов, зафиксированных ОКДА и обозначающих ‘посиделки (для прядения)’ (4, № 4). На карте-схеме 10 представлены наиболее частотные в макроареале названия, использующие, с одной стороны, МП ‘сидеть’ — некоторые южнославянские диалекты (ср. серб. *sedè:lka*, *sedni:k*, мак. *se'denka*, *sedel'ka*, ср. и болг. *седянка*), большая часть румынских (*sezătoare*), отдельные южнопольские (*po'sada*, *poša'daŋka*) и северо-западные словацкие (*pošetki*), а, с другой, — МП ‘прясть’ — большинство словацких говоров (*pra:tki*, *priatki*), польские (*pš'ontk'i* — редко), украинские (*pr'atky* и под.), венгерские (*fono:* и др.), на Юге этот тип, согласно Атласу, представлен редко, ср. серб. *pré:lo*, *pre'denka*, в.-мак. *po'prel'ka* (названия *предачка*, *предянка* и под. отмечены в центре, на северо-востоке, реже — на западе Болгарии — БЕР 5, 634). В ареале представлены и несколько локальных названий, ср. укр. *večer'nyci* (= МП ‘вечер’), рум. *clacă* (< ю.-слав. *tlaka* < слав. **tolk-* Machek 529; Клеп. 1992, 45) и др. Таким образом, по данному фрагменту лексико-семантической системы карпато-балканское лингвистическое пространство обнаруживает в целом бипарциальную

³¹ Подробнее о «картине мира» (и «модели мира») на Балканах см.: Цивьян Т. В. Движение и Путь в балканской модели мира. Москва 1999, 7–8; Она же. Лингвистические основы балканской модели мира. Москва 1990, 5 и др.

дифференциацию, проявляющуюся в том, что основные ареалы, в которых генетически *разные* языки используют тот или иной МП, сложным образом взаимопересекаются; установление «центра иррадиации» этих МП — задача специальных исследований³².

3. Помимо основной, «запрограммированной» концепцией ОКДА информации, касающейся проблематики языкового контактирования, он, как и любой атлас, одновременно содержит определенный объем «незапрограммированной» информации. Действительно, карты Атласа отражают сведения, которые, как правило, отсутствуют в национальных, национально-региональных атласах отдельных языков, в ОЛА и под. (уже в силу кардинальных различий между их вопросниками и Вопросником ОКДА) и которые могут учитываться не только в собственно карпатолингвистических штудиях, но также и при изучении синхронного состояния и истории отдельных языков ареала.

Так, данные Атласа, связанные с карпатоукраинскими говорами (= КУ) могут широко использоваться украинистами³³, во-первых, при изучении специфических черт КУ — в сравнении с иными говорами украинского диалектного языка, т. е. *внутри* украинского диалектного континуума, и тем самым дополнять лексико-семантическую информацию АУМ и др. (в первую очередь за счет сведений о географии иноязычных заимствований — см. приведенные выше карты 1–9). Во-вторых, материалы ОКДА помогают изучать специфику КУ с учетом более широкого славянского контекста (т. е. за пределами украинского диалектного континуума), с привлечением фактов как северно-, так и южнославянских диалектов. В частности, благодаря ОКДА, становится более ясным значение КУ в исследовании корреспонденций между диалектами южной периферии Северной Славии и говорами отдельных зон Южной, — они интерпретируются как наследие древней эпохи, когда между этими частями Славии существовала тесная связь, которая в дальнейшем, с приходом в Паннонию венгров и др., была прервана³⁴. Ср., например, на карте-схеме 11 общность карпатославянских (в том числе КУ) и южнославянских диалектов в фонетическом оформлении *+m(r)ša* (ОКДА 5, № 71; в транскрипции ОЛА — *mʁ-š-a* [2, № 55]; о болг. *мърша* см.: БЕР 4, 429) (впрочем, варианты *+m[]rXa* и др. также образуют особые карпатославянско-южнославянские параллели)³⁵ (38).

³² Иные примеры, по данным ОКДА, общности мотивации апеллативов в карпато-балканском ареале и особенности членения последнего на микрозоны см.: Бернштейн 2000, 270–273.

³³ См., например: Клепикова Г. П. Карпатоукраинские говоры как объект лингвогеографического изучения: ИСД 8. 2002.

³⁴ Подробнее: Ивић П. Избрани огледи, 1. Ниш 1991, 98, 193–196 и др.

³⁵ См.: Клепикова Г. П. Многоязыковые атласы как источник изучения отдельных межславянских лексико-словообразовательных параллелей: Аванесовский сборник. Москва 2002.

ОКДА (4, НМ 23) фиксирует и выразительную словообразовательную-семантическую параллель, объединяющую КУ не только с некоторыми западнославянскими, но и рядом южнославянских, ср. репрезентанты деривата вида «*bežь & Adj.* от **oko*», реализующие семантический сдвиг — ‘(безглазый)’... → ‘бессовестный’ → ‘дерзкий, наглый’ и под., см.: укр. *bezočivij, bezočlyvij*, словц. *'bezočlivi:, 'prezočivi:*, морав. *'bezočl'ivy* (ср. и польск. *bezuo'cl'ivy* ‘говорит, чего не знает’), и далее — серб. *bezoča:n, be'zočan*, макед. (литер.!). *'bezočen* (карта-схема 12). В ЭССЯ приведены формы **bezočitъ, *bezočivъ (jъ), *bezočьnъ (jъ), bezokъ (jъ)* с пометой: «...Сложная основа **bezok-/ *bezoč-* широко представлена в слав. лексике моральной сферы» (2, с. 35–36; только здесь упоминается и болг. диал. *безок* ‘то же’). ОКДА фиксирует и локализм, образованный по близкой модели: укр. закарп. *bez'lyčnyj* ‘бессовестный’ (< **bežь & *lice*; в ЭССЯ отсутствует).

Материалы ОКДА позволяют также более глубоко изучать конкретные вопросы истории румынского языка, например, семантическую эволюцию славянских заимствований. По данным Атласа (с учетом фактов, рекартографированных из ALR), славизм *polog* (< **po + *logъ* [: **legt'i*], о **logъ* — ЭССЯ 15, 249), на карте-схеме 13 приводится со значениями 1) ‘скошенные и уложенные зерновые’, 2) ‘связка сжатых колосьев’, 3) ‘пучок стеблей (удерживаемых рукой при срезании серпом)’, 4) ‘скошенная трава’. При этом первое и третье значения как будто не имеют корреспондентов в других частях макрзоны и могут быть интерпретированы как развившиеся на румынской почве; для второго укажем параллель ю.-зап. болг. *полог* (Млад. 1975, 230), — в то время, как эта лексема обычно фиксируется в болгарских говорах со значениями ‘место, где куры сносят яйца’, ‘испорченное яйцо’ и др. (см.: БЕР 5, 504); наконец, значение ‘скошенная трава, имеет параллели в диалектах северно- и южнославянских языков (здесь не рассматриваются иные значения, о них см.: ОКДА 5, № 40; Берн., Клеп. 1998, 57–58).

Несомненно, возможны и другие направления исследований с широким использованием материалов ОКДА как в рамках КЯ, так и за его пределами. Сейчас важно констатировать, что создание Атласа завершает принципиально существенный этап в истории КЯ, — проведено систематическое диалектологическое обследование карпатского (= карпато-балканского) ареала в целом. В дальнейшем целесообразно его продолжать в виде специальных ареалогических работ, которые решали бы задачи частного характера, — например, задачу более детального (в соответствии с особыми программами!) описания тех или иных областей макрзоны, отдельных лексических групп, недостаточно хорошо представленных в Атласе и под., а также развивали бы синхронно-сопоставительные штудии, всемерно учитывая при этом результаты современных разысканий в сфере диалектологии отдельных языков.

Вместе с тем логика развития КЯ требует сосредоточения внимания и на других его задачах, о которых говорилось выше, — а именно на изучении топонимики макроареала и историко-этимологическом анализе карпатской лексики, на анализе в карпатолингвистическом аспекте свидетельств языка письменных памятников региона и др.

При всем том важнейшее, на наш взгляд, условие дальнейшего развития КЯ состоит в том, чтобы сформировавшаяся в ходе работы над Атласом традиция карпатолингвистических исследований, существующая в настоящее время в ряде научных центров, не была прервана³⁶, чтобы на смену специалистам старшего поколения в КЯ пришли молодые, энергичные лингвисты, вооруженные не только современной исследовательской техникой, но и усвоившие достижения карпатистики XX в., и продолжили на новом этапе изучение зоны Карпат, — замечательно интересной зоны Центральной и Юго-Восточной Европы³⁷ (39).

Сокращения

- БЕР — Български етимологичен речник. 1-. София, 1971-.
- Бернштейн 2000 — *Бернштейн С. Б.* Из проблематики диалектологии и лингвогеографии. Москва 2000.
- Берн., Клеп. 1996 — *Бернштейн С. Б., Клепикова Г. П.* О некоторых итогах работы над ОКДА (1973–1993): ОЛА МиИ 1996.
- Берн., Клеп. 1998 — *Бернштейн С. Б., Клепикова Г. П.* Славяно-румынские языковые контакты в свете новых данных славянской лингвистической географии: Славянское языкознание. XII Международный съезд славистов. Москва 1998.
- Вид. — *Видоески Б.* Географската терминологија во диалектите на македонскиот јазик. Скопје 1999.
- ВЯ — Вопросы языкознания. Москва.
- ИСД — Исследования по славянской диалектологии. Москва.
- Калн., Клеп. — *Калнынь Л. Э., Клепикова Г. П.* К вопросу о значении многоязыковых атласов для изучения славянского диалектного континуума (на материале ОЛА и ОКДА): ВЯ, № 3, 1989.
- КДО — Карпатская диалектология и ономастика. Москва 1972.
- Клеп. 1989 — *Клепикова Г. П.* Карпатская лексика в ее отношении к лексике иных зон славянского мира, 8: Лексика в ОКДА, I. Москва 1989.
- Клеп. 1991 — *Клепикова Г. П.* Южнославянский компонент в ОКДА: Studia Slavica. К 80-летию С. Б. Бернштейна. Москва 1991.
- Клеп. 1992 — *Клепикова Г. П.* Лингвогеография и славяно-неславянские контакты: Polono-Slavica Varsoviensia. Warszawa 1992.
- Клеп. 1998 — *Клепикова Г. П.* Изогlossы румынских заимствований в славянских диалектах карпатского ареала — типологический аспект: ИСД 5. 1998.

³⁶ Пример периодической активизации и затем затухания интереса ученых к соответствующей проблематике демонстрирует, например, балканское языкознание, см.: *Асенова П.* Указ. соч., 13 и сл.

³⁷ Ср., в частности, глубокую характеристику роли Балкан и сопредельных регионов в истории европейской культуры: *Топоров В. Н.* Балканский макроконтест и древнебалканская нео-энеолитическая цивилизация: Материалы к VI Международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы. Лингвистика. Москва 1989, 4, 16–17 и др.

- Млад. 1975 — Младенов М. Распространение некоторых карпатизмов в болгарских говорах: СБЯ 1975.
- Млад. 1983 — Младенов М. Българо-румънски езикови ареали: Die slavischen Sprache, 5. Wien 1983.
- Млад. 1987 — Младенов М. Ареална характеристика на романски елементи в българските диалекти: Die slavischen Sprache, 12. Wien 1987.
- ОЛА — Общеславянский лингвистический атлас.
- ОЛА МиИ — Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. Москва.
- СБЯ — Славянское и балканское языкознание. Москва.
- Топоров 1979 — Топоров В. Н. Прусский язык. Е-Н. Москва 1979.
- Фасмер — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, I-IV. Москва 1964–1973.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. I-. Москва 1974-.
- ALR — Atlasul lingvistic român, I-VIII. București 1956–1972.
- Machek¹ — Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha 1957.
- M.-Lübke — Meyer-Lübke W. Romanisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg 1935.
- Ros. — Rosetti A. Istoria limbii române, I. București 1964.
- Russu — Russu I. Etnogeneza românilor. Fondul autohton. București 1981.
- Skok — Skok P. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika, I-IV. Zagreb 1971–1974.
- Tamáš — Tamás L. Etymologisch-historisches Wörterbuch der ungarischen Elemente im Rumänischen. Budapest 1966.
- Vrabie — Vrabie E. Influența limbii române asupra limbii ucrainene: Romanoslavica XIV. București 1967.
- TESz — A magyar nyelv történeti-etimológiai szótára, I-III. Budapest, 1967–1976.

Легенды к картам

- Карта-схема 1.** География и семантика ⁺koš : 1 — короб в мельнице, 2 — вид корзин, 3 — рыболовная снасть, 4 — дымоход, 5 — постройка (для початков), 6 — кузов воза, 7 — улей, 8 — грудная клетка, 9 — наволочка.
- Карта-схема 2.** География и семантика ⁺ž()leb : 1 — корыто, 2 — жолоб (водосток), 3 — паз, 4 — ороним (овраг и под.), 5 — плотина, 6 — жолоб (в лесном деле), 7 — мельничный термин, 8 — десна (ср. болг. *жлебина*).
- Карта-схема 3.** География и семантика ⁺p()rl : 1 — тропа, дорога (в горах), 2 — тропа, протоптанная в снегу.
- Карта-схема 4.** География и семантика ⁺vatra : 1 — огонь, костер, 2 — очаг, под печи, 3 — (горячий) пепел, сажка.
- Карта-схема 5.** География ⁺ferig= и ⁺zestra : 1 — ⁺ferig=, 2 — ⁺zestra.
- Карта-схема 6.** География и семантика ⁺carma : 1 — поле (в горах), 2 — поле с хорошей землей, 3 — огороженный сенокос, 4 — территория села, 5 — топоним.
- Карта-схема 7.** География и семантика ⁺hotar : 1 — граница, 2 — поле (владение), 3 — топоним, 4 — единичные значения.
- Карта-схема 8.** География ⁺sersam : 1 — ⁺sersam.
- Карта-схема 9.** География ⁺gazda и ⁺vam(a) : 1 — ⁺gazda, 2 — ⁺vam(a).
- Карта-схема 10.** Мотивация в названиях 'посиделок': 1 — 'сидеть', 2 — рум. *sedeancă*, 3 — 'прясть', 4 — 'вечер'.
- Карта-схема 11.** География рефлексов ⁺m()rša : 1 — ⁺m()rša, 2 — болг. *мърша*, 3 — рум. *mîrșav*.
- Карта-схема 12.** География дериватов от ^{*}bežь & ^{*}oko и ^{*}bežь & ^{*}lice : 1 — ^{*}bežь & ^{*}oko, 2 — ^{*}bežь & ^{*}lice.
- Карта-схема 13.** География и семантика ⁺polog : 1 — скошенные и сложенные зерновые, 2 — связка колосьев, 3 — полеглие зерновые, 4 — скошенная трава, 5 — пучок стеблей в руке (при скашивании серпом).